

Л. А. Беляев

Институт археологии РАН, Москва, Россия. labeliaev@bk.ru

С. Б. Григорян

Институт археологии РАН, Москва, Россия. lapa384@yandex.ru

С. Г. Шуляев

Институт археологии РАН, Москва, Россия. firangel@mail.ru

НЕКРОПОЛЬ СМОЛЕНСКОГО СОБОРА НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ XVI–XVII в. ИССЛЕДОВАНИЯ 2017–2018 г.: МЕТОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

В статье впервые представлены общие итоги работ на одном из статусных кладбищ Московского царства XVI–XVII в., в подклете Смоленского собора Новодевичьего монастыря. Во второй половине XVIII в. была списана и издана часть надписей с надгробных камней. В 1880-х годах при реставрации их дополнили надписями с саркофагов. Общую сводку трижды переиздавали. В рамках археологических работ Института археологии РАН была исследована вся поверхность кладбища и впервые проведена натурная фиксация погребальных сооружений (могил, надгробий, кирпичных саркофагов, белокаменных саркофагов с надписями на крышках). При этом сами погребения не вскрывались. В результате установлено примерное число погребенных (не менее 130) и существенно изменены представления о социальном статусе некрополя. В XVI в. он служил кладбищем разведенных и насильно отправленных в монастырь жен, казненных или находившихся в оппозиции боярских родов, недавно крещенных служилых людей из среды европейцев и татар на московской службе. Статус монастыря и его кладбища был искусственно повышен в конце XVII в., когда здесь была заточена царевна Софья и похоронены женщины из рода Милославских, а также разведенная жена Петра I — Евдокия Лопухина.

Ключевые слова: кладбище XVI–XVII в., царский двор, монастырская археология, Смоленский собор, Василий III, Иван Грозный, саркофаги, надписи

В основу статьи положен предварительный обзор результатов изучения кладбища в подклете собора Смоленского Образа Богородицы Новодевичьего монастыря. Обширная программа реставрации монастыря предусматривала замену полов и другие необходимые работы, предваренные научно-охранными археологическими изысканиями 2017–2018 г.¹

Монастырь основан великим князем Василием III Ивановичем во исполнение одного из обетов, данных в связи со взятием в 1514 г. Смоленска. В 1523 г. обет был повторен, причем оговорено, что монастырь будет девичьим. Весной и летом 1525 г. он был устроен и его деревянные храмы освящены. Каменный собор появился в монастыре не ранее 1530-х и не позднее конца 1540-х — 1550-х годов². В его подклете сложился некрополь знати, часто трактуемый как продолжение кладбища женщин царского рода в Вознесенском монастыре Кремля. Будучи одним из древнейших аристократических кладбищ Московского государства, этот памятник истории и археологии типологически близок главным династическим усыпальницам, Архангельскому собору и собору Вознесенского монастыря в Кремле. Все же эти своеобразные собрания источников существенно различаются. Оба некрополя Кремля древнее, но их соборы в прошлом перестраивали, а Новодевичий — нет. Вознесенский полностью разрушен в 1920-х годах, его состав, безусловно, не полон (в научный оборот введены только погребения в саркофагах), стратиграфия просто отсутствует, перспектив для натурного исследования нет (см.: [Некрополь русских великих княгинь]). Архангельский, напротив, можно изучать натурно, но пока он известен односторонне: в начале XX в. проведена подробная фотофиксация при реставрации [Рогозина]; археологические исследования очень результативны, но фрагментарны, единственная серьезная

¹ Новодевичья экспедиция Института археологии РАН, руководитель Л. А. Беляев. Исследования в монастыре продолжаются. Полная публикация научных результатов планируется к 2024 г.

² Последний обзор проблем ранней истории монастыря и литература: [Беляев, Квливидзе, Махонько, Шведова].

работа — изучение погребений в приделе Иоанна Предтечи (см.: [Герасимов] и последующие публикации). По типу, да и по времени, к Новодевичьему ближе некрополь Романовых в Новоспасском монастыре, частично сохранившийся и археологически изучавшийся, пусть с неровными результатами (ср.: [Усыпальница дома Романовых; Беляев, Медникова]), но он более цельный (в основном — одного боярского клана).

Научная задача формулировалась как верификация имеющихся материалов. Для этого нужно было выработать методику, потребность в которой сейчас исключительно велика и для статусных кладбищ, и для приходских, монастырских, гражданских. При обращении к «отеческим гробам» мы стремились совмещать нормы традиции и этики с не менее важными для развития человека потребностями в точном научном знании. Первым принципом стало предельно бережное отношение к погребениям (останкам и сооружениям); они вскрывались только при строго доказанной научной или реставрационной необходимости (в ходе работ нами вскрыто только одно погребение, что диктовалось его исторической важностью и нарушенностью в прошлом). Вторым — стремление к абсолютной полноте топографической и стратиграфической картины погребальных сооружений в их архитектурно-археологическом контексте. Такой подход отличается от привычных требований полевой методики, ориентированной на полное вскрытие, но в рамках общих мировых требований к сохранению археологического наследия совершенно приемлем и оправдан. Он позволяет сохранить некрополь для изучения в далеком будущем (возможно, уже не разрушающими методами), но получить в то же время всю информацию, которая окажется доступной сегодня.

Оба принципа соблюдались неукоснительно. Были разобраны ремонтные полы конца XIX — XX в., верхняя часть кладбищенских перекопов и, в редчайших случаях сохранности, культурный слой, отложившийся до постройки собора. Расчистка велась до уровня надгробных плит, каменных саркофагов и кирпичных склепов, погруженных в грунт; их полная фиксация включала описание, традиционные методы обмера, фотосъемку. На этом археологические работы останавливали и памятник передавали реставраторам для подготовки проекта консервации и восстановления архитектурного облика подклета. Представилось разумным отказаться от получения антропологического материала (за единственным исключением) и вещей (облачений, сопровождающих предметов и др.) из сохранных погребений. Мы не стремились также исследовать те объекты, для доступа к которым пришлось бы демонтировать другие, но фиксировали их присутствие. Все доступные осмотру объекты, ранее известные только в описаниях или вообще неизвестные, детально отсняты и обмерены. Изучена стратиграфия (соотношение предыдущих и последующих захоронений друг с другом и с кладками подклета); установлен ряд частных, но важных деталей.

В итоге изучена площадь всех помещений подклета (четверик с тремя апсидами и тремя окружающими галереями), определено число погребений. Их оказалось вдвое больше, чем насчитывали до исследований (так, в поперечном нефе перед алтарем, куда помещали 10–12 надписей, при раскопках нашли не менее 20 могил).

В одной статье невозможно изложить все материалы, обсудить хронологию, просопографию и общую историю такого некрополя, как подклет Смоленского собора³. Ограничимся общим очерком сделанного, сравнением с ранее имевшимся, выделением самых важных результатов. Начнем со статистики, перейдем к планиметрии и закончим анализом избранных контекстов. При этом вне поля зрения окажутся яркие, но давно известные памятники, такие как надпись о переносе останков царевны Анны, немногие настенные таблицы и все памятники XVIII–XIX в. (к ним мы всегда успеем обратиться).

Общая статистика позволит представить контекст. Пронумеровано 129 погребений, но это

³ Историко-генеалогические материалы о погребенных в подклете и по историческому некрополю монастыря в целом готовят вместе с авторами статьи О. Г. Ким, А. В. Топычканов, С. Ю. Шокарев и другие историки.

не окончательная цифра: часть ранних могил целиком разрушена поздними, фундаментными кладками и т. п. Среди них: простые могилы, белокаменные саркофаги (в грунте и в кирпичных склепах), сами кирпичные склепы, резные белокаменные надгробные плиты (Рис. 1–4).

Могил учтено 77 (из них 58 в грунте, 19 врезаны в фундаментные ленты). Кроме того, 9 могил выкопаны до постройки собора и задеты его фундаментами (конечно, их было существенно больше). Ориентировка ранних могил в целом соответствует осям собора, но менее жесткая; их края неправильны и к тому же сохранились не целиком. В грунте эти края хорошо читались в уровне зачистки материка.

Саркофагов в грунте учтено 17, внутри каменных склепов видны еще 4, таким образом, общее минимальное число саркофагов 21 (все саркофаги из белого камня, антропоморфные, типичные для Москвы XVI–XVII в., часто с надписями на крышках (литература и дискуссия: [Беляев, 2018])). Из них 2, ранее неизвестные, врезаны в фундаментные ленты (о чем ниже) — один имел гладкую крышку, второй датирован 1640 г. Нужно отметить, что сведения, сообщаемые на крышках саркофагов, обычно надежнее надписей на плитах, и пока не известно ни одного случая, когда аутентичность их сообщений могла бы быть подвергнута сомнению. К сожалению, из 17 осмотренных саркофагов только 11 с надписями (точнее, 10 и 1 крышка, использованная как надгробная доска).

Плит белокаменных XVI–XVII в. — 25 (с учетом крышки саркофагов, уложенной на кирпичную надгробницу), поздних гранитных — 3⁴. Многие перемещали или двигали с мест: почти во всех случаях между погребением и плитой лежит мембрана реставрационного пола из кирпича 1880-х годов⁵. Все же в основном плиты найдены вблизи от погребения. В переотложенном состоянии найдены 2 детские плиты (в объектах 146 и 163) и плита на «саркофаге царицы Елены» (см. ниже). Почти все плиты (23 из 25) имели надписи. Известны и надгробные сооружения без надписей — это прямоугольная кладка над детским саркофагом Воротынского из реставрационного кирпича 1880-х годов и над «саркофагом Елены Шереметевой» из большемера (оба явно сооружены в XIX в.).

Точно установлено число склепов: кирпичных — 34, белокаменный — 1. Как показали исследования последних десятилетий, кирпичные склепы бывают не только XVIII в., но и XVII, а возможно, и XVI в., хотя увеличение их числа в XVIII в. — неоспоримый факт. В подклете все изученные склепы имели коробовые своды, и только белокаменный XVI–XVII в. (?) — щипцовый. Настенные доски в подсчете не учтены, поскольку археологически не обследовались. Важно, что количество погребенных мы устанавливаем через фиксацию самих погребений (могил, склепов и саркофагов), надгробия же, будь они настенные или намогильные, служат для построения хронологии и для идентификации.

Подклет Смоленского собора воспринимали как памятник истории уже в XVIII в. Изучали, конечно, прежде всего надгробные надписи. Первый их свод вышел в «Древней российской вивлиофике» в 1791 г.⁶ и был основан на списках, сделанных для уже умершего к тому времени академика Г.-Ф. Миллера (1705–1783)⁷. Доверие к точности этих материалов, которые собирали его сотрудники, в последнее время отчасти подорвано (см.: [Беляков, 2018]). Все же свод 1791 г., пусть с погрешностями, учел 35 надписей, из них XVI — начала XVII в. — около 20, остальные 15 было «из-за ветхости описать невозможно», а из читаемых 4–5 надписей взяты с наружных стен (см. тексты о Елене Девочкиной и инокине Феофании (второй с ошибкой в дате на 100 лет) и надпись об основании монастыря: [Беляев, Романов, Шлионская]).

⁴ Три гранитные плиты XIX в. (1846, 1875 г.) выложены в северо-западном компартименте четверика.

⁵ Кирпич с маркой «А. Г. Гусарев».

⁶ Надписи, находящиеся в Новодевичьем монастыре в церквях и в разных местах над умершими // Древняя российская вивлиофика. СПб., 1791. Ч. 19. С. 293–304 (далее — ДРВ).

⁷ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 413. № 18.

Этот свод был базовым, пока не начались исследования подклета (1878 г.), а вслед за этим — и реставрация (1886–1887 г.). Архитекторы нашли подклет не в лучшем состоянии: он служил складом, надгробницы разрушались, плиты с надписями от них отваливались, всё покрывали песок и мусор. Перестилая пол, наткнулись на саркофаги, лежавшие местами прямо под ним, и прочли значительную часть текстов на крышках; публикации тех лет (включая заметки в «Московских Ведомостях») упоминают о новых надписях, приводя примеры⁸. В чтении плит принимал участие знаток Москвы и ее некрополя А. А. Мартынов (1818–1903), рукописные заметки которого хранились у известного историка А. А. Титова, о чем остались указания в записях Б. Л. Модзалевского к пунктам «Московского некрополя» [МН, т. 1]. Среди участников были интересовавшиеся древнерусским надгробием, прежде всего В. А. Гамбурцев (1842–1903). Был составлен план погребений («план 1887 года», к сожалению, до сих пор не опубликован в подлиннике⁹). При реставрации надгробия заново установили на полу, на особые постаменты, и в таком виде они пережили советскую эпоху (на особо ценные камни сделали деревянные чехлы, по образцу Архангельского собора, но от них не осталось и следов). В 1900-х годах все материалы были консолидированы в вышеупомянутом «Московском некрополе», где собралось 72 имени, включая погребенных в XVIII в.

План 1887 г., вероятно, был в распоряжении В. Б. Гиршберга: в известном своде лапидарной эпиграфики он издал, с некоторыми ошибками и пропусками, 27 текстов (в том числе случайных по отношению к подклету), дойдя до 1650 г.¹⁰ В 1980-х — начале 1990-х годов сотрудник ГИМ О. А. Трубникова, используя план 1887 г. и аутопсию, собрала на новый план 45 надгробий раннего периода (из них 39 с надписями), но к XVI в. относилось только 13–15, и опять были включены добавочные плиты, к подклету не относившиеся [Трубникова]. Таким положение с материалами некрополя оставалось до 2017 г.

Итак, перед нами два информационных пространства. В одном идут постоянное переписывание надписей и корректировка (подчас, наоборот, запутывание) представлений о персональном составе погребенных. В это пространство все время втягиваются письменные источники (синодики разного рода, кормовые и вкладные книги; актовъй материал; летописные упоминания) — весь арсенал источниковедения. Раскопки нужны тут в основном как средство проверки.

Но возникает и другое пространство, собственно археологическое. Легко заметить, что статистика наших наблюдений не вполне соотносима даже с эпиграфикой, не говоря уже о письменных источниках. У нас около 130 погребений, но белокаменных саркофагов чуть больше 20 (при любых допусках, не более трех десятков), с надписями — от половины до трети. Надгробий с надписями больше, но они не всегда надежны. Чтобы понять, можно ли строить выводы на имеющихся материалах, полезно сравнить состав надписей в базовых сводках. У В. Б. Гиршберга до 1650 г. учтено 27, в их числе 6 сомнительных (5 взяты с наружных стен собора; одна с явно ошибочной датой 1503 г.) и 2 внесенные в «музейный» период снаружи. Из остающихся 19 исключительно в списке 1791 г. отражено 8, остальные доступны нам в подлинниках. При этом на плане 1887 г. из 44/45 надписей до 1650 г. учтены тоже 19, но с разницей: некоторые известны только по этому плану и зависящей от него статье О. А. Трубниковой. Наши работы, в свою очередь, подтвердили их наличие, добавили ранее

⁸ Подсоборный склеп в Московском Ново-Девичьем монастыре // Исторический вестник. 1886. Т. 25. № 7. С. 199–201.

⁹ Центральный государственный архив г. Москвы (далее — ЦГИАМ). Ф. 454. Оп. 3. № 56. Л. 80–82.

¹⁰ Гиршберг В. Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Часть I. Надписи XIV–XVI вв. // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Т. 1. С. 3–77; Он же. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Часть II. Надписи первой половины XVII в. // Нумизматика и эпиграфика. М., 1962. Т. 3. С. 212–287.

неизвестные камни и откорректировали чтение уже известных. Всего получилось не менее 34 (как уже сказано, 11 крышек саркофагов и 23 плиты разных типов). Пока не ясно, как соединять эти пространства; в будущем постараемся сравнить статистику с другими некрополями и шире привлекать письменные источники, пока же воспользуемся хроно-топографическим подходом.

Погребения заполняют квадратный, с четырьмя столбами, наос довольно плотно и равномерно. При этом имеется топографическая особенность, пока не объясненная: развитие шло в обратном направлении, с севера и востока, а не традиционно — с юго-запада или юго-востока. Однако в размещении погребений XVI в. общей упорядоченности не наблюдается, хотя выделяются семейные группы. Таких групп четыре: бояре Захарьины; князья Кубенские (и другие ветви ярославских князей); князья Воротынские; князья Бельские. Особняком стоят женщины из царской семьи. Между ними распределены, на вид случайно, отдельные погребения (связаны они каким-то образом с семьями или нет — не ясно). Мы говорим о самом раннем срезе, 1530—1590-х годов, предполагая, что некрополь в это время развивался с учетом уже имеющихся погребений, но в XVII в. элементов случайности (вызванных хотя бы разгромом Смутного времени), вероятно, стало больше.

Топо-хронология кладбища выглядит следующим образом. Первыми из известных нам усопших в подклете похоронят двух очень знатных вдов: Ирину Захарьину (1533 г.), а за ней (1537 г.) Ульяну Кубенскую¹¹, дочь Андрея Васильевича Горя Углицкого, брата Ивана III. Их положат у стены в северных ячейках, в предалтарном нефе и в центральном поперечном нефе соответственно. Затем к югу от них начнут хоронить близких, так что перед северной апсидой образуется компактная группа Захарьиных: рядом с Ириной, женой Юрия, положат в 1555 г. их сына Григория¹² (родича Грозного по Анастасии Романовне), а позже его вдову Ульяну/Евпраксию (1563 г.)¹³. Далее участок Захарьиных, сколько можно судить, не развивался.

Некрополь Кубенских оказался более многочисленным и заполнил целиком две северные ячейки в центральном и западном нефах. В центральной северной ячейке рядом с матерью положат казненного 21 июля 1546 г., после многих опал и прощений 1544—1545 г. (см.: [Кром]), Ивана Кубенского (как известно, тела разобрали родичи, положив «где ж который род кладется»¹⁴). Через 5 лет к ним присоединится его вдова Александра и неизвестный представитель семьи — на крышке расчищенного саркофага надписи не оказалось. Северо-западную угловую ячейку займет семья брата Ивана, Михаила († 09.06.1548). Здесь три саркофага: его жены Марии; их дочери Гликерии (жены Петра Васильевича Морозова, который дожил до 1580 г.) и младенца (без надписи — возможно, это неизвестный нам ребенок Гликерии)¹⁵.

Нужно заметить, что в подклете есть и другие ярославские князья — перед алтарем видим княгиню Ирину (Александр), жену Ивана Семеновича Ярославского (вероятно, Шелухи

¹¹ Интересно, что из самых ранних погребений это — единственное без саркофага, под плитой простая глубокая могила, с деревянным гробом. Каких-то выводов из этого наблюдения не проистекает: согласно спискам, погребенных в подклете знатных женщин намного больше, чем обнаружено саркофагов.

¹² На саркофаге обнаружилась почти такая же надпись, но с прозванием — зато без указания праздника: ЛѢТ(А) З. ѿ Д. (7064/1555) / МАРТА . А (1) . ПРЕСТАВИСЯ / ГРИГОРЕЙ ЮРЕВИЧ ЗАХАРИН

¹³ Саркофаг меньше, чем у мужа, но не подписан; стоит к северу от саркофага Г. Ю. Захарьина. Надгробие лежало прямо над этим безымянным саркофагом. Оно оформлено совершенно в стиле 1560-х годов.

¹⁴ «Лета 7054... Июля 21, назавтре Ильяна дни, велел князь велики на Коломне у своего стану перед своими шатры казнити бояр своих князя Ивана Ивановича Кубенского да Федора Демида Семеновича Воронцова, да Василья Михайловича Воронцова же, что был попрём того дмитровской дворецкой, за некоторое их к государю неисправление. И казнили их — всем трем головы посекали, а отцов духовных у них перед их концем не было. И взяша их по повеленью по великого князя приятели их и положиша их, где же которой род кладетца» (ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 27).

¹⁵ К сожалению, оба надгробия — без дат. Судя по старым спискам, дат не было и на плитах надгробий. Над этой ситуацией нужно еще подумать.

Меньшого, по сути, тоже Кубенского)¹⁶, умершую в 1553 г.; список 1791 г.¹⁷ называет княгиню Марию/Марфу, жену Юрия Федоровича Сицкого, умершую в 1565 г. (место ее погребения точно не указано, но соединение археологических и эпиграфических материалов в будущем может прояснить вопрос).

Третья родовая группа, Воротынские, появилась вблизи Кубенских, видимо, благодаря браку Михаила Ивановича Воротынского и дочери казненного Ивана Кубенского, Стефаниды Ивановны (хотя есть и другие версии). Она продолжила ряд в центральном нефе, оказавшись в средокрестии, где лежит их общее с дочерью Агрипиной надгробие (1570 и 1571 г. соответственно), и похоронены вдовы двух братьев Михаила: Александра Ивановича (инока Анастасия, † 1570) и Владимира Ивановича (инока Александра, † 1588). Обычный механизм соединения жены и мужа в родовой усыпальнице жены не сработал: останки Александра и Владимира, как известно, свезены в Кирилло-Белозерский монастырь. От Воротынских тонкая линия погребений потянется и в XVII в. Эти тексты с плит публиковались неоднократно, и в наших чтениях нет особых отличий от предшественников. Саркофагов мы не видели, поскольку склепы и надгробницы не разбирались.

Можно представить как семейную группу и два саркофага в южной ячейке трансепта, хотя из них подписан только один — инокини Анастасии († 1548)¹⁸, жены Федора Ивановича Бельского. Отождествление погребения со второй супругой князя, рязанской княжной Анной Васильевной, противоречит сведениям о ее погребении в Покровском Суздальском монастыре, но узел можно развязать при учете тесной связи двух монастырей, в которых память Анны/Анастасии сохранялась благодаря крупным вкладам. Приоритет, отдаваемый надписям на крышках саркофагов, указывает на несомненное погребение в подклете Анастасии Бельской, и вряд ли стоит конструировать еще одну жену для князя Федора (у него и так было достаточно проблем в матримониальной области)¹⁹.

Топография некрополя не свидетельствует о закреплении алтарного нефа за наиболее знатными семьями: на престижные места попали саркофаги малоизвестных персонажей. Так, группе Захарьиных в северном конце нефа перед алтарем отвечает в его южном конце саркофаг крещеного иноземца И. М. Гануса († 1552)²⁰ и жены князя Небогатова († 1552)²¹. В северной апсиде обнаружена (правда, в перемещенном состоянии) надгробная плита сына

¹⁶ ЛБТ(А) ЗЗА (7061/1553) МАРТА / SI (16) ПРЕСТАВИСЯ КНЯЖ ИВАНО/ВА КНЯГИНЯ СЕМЕНОВИЧА / ЯРОСЛАВСКОГО / КНЯГИНЯ ИРИНА ИНОКА АЛЕКСАНДРА / СКИМНИЦА

¹⁷ «7073 (1565) января 6 княгиня Марья княжна Юрьева Феодоровича Сицкого» (ДРВ. С. 301).

¹⁸ ЛБТ(А) ЗНС (7056/1548) ИЮЛЯ(?) (в) А (1) ДНЬ ПРЕ/СТАВИС(Я) КНЯЖ ФЕДОРОВА КНЯГИНЯ ИВА/НОВИЧ(А) БЪЛЬСКАГО ВО ИНОЦЕХ / АНАСТАСИЯ

¹⁹ Благодарю Сергея Юрьевича Шокарева за помощь в рассмотрении этого и других вопросов генеалогии родовитых семей XVI в.

²⁰ ЛБТ(А) ЗЗ (7060/1552) ГО(ДУ) МАРТА / ЗI (17) ПРЕСТАВИС(Я) ИВАН МАРТЕМ/ЯНОВИЧ ГАНУС ВЪ С(ВЯ)ТЕМ / КРЕЩЕНЬЕ / НАРЕЧЕН АЛЕЖЬИ. Текст есть в «Московском некрополе» (где, по А. А. Мартынову, стояло: «Мартезьянович») и у О. А. Трубниковой (№ 43), с общей ошибкой в дате (не видим оснований читать здесь ГО как тройку). У В. Б. Гиршберга и в ДРВ его нет. Отто Ганусов (то есть Иоганнович) — в 1565 г. пушкар-иноземец в Казани [Веселовский, с. 77]; «Большая биографическая энциклопедия» (см: <https://gufo.me/dict/biography-encyclopedia/Ганусов>) назвала его литейщиком пищалей с датой 1564 г. и ссылкой на Половцева. Однако в «Русском биографическом словаре» 1896-1918 гг. такой персонаж не значится (ни как «Ганус», ни как «Отто»). Нужно думать, что саркофаг принадлежит отцу Отто (Мартемьяна), Иоганну (Ивану) / Алексею. Редкая формула «во святом крещении», видимо, указывает на «взрослое», вторичное крещение.

²¹ Саркофаг в первом ряду перед апсидой, левее оси прохода, Варсонофии, супруги Д. В. Небогатого, 1553 (7061 — 5509) г. В списке О. А. Трубниковой это № 42 (но у нее на плане стоит 44). У В. Б. Гиршберга и в ДРВ этой плиты нет. Читается: ЛБТ(А) ЗЗА (7061/1552) / ВКТЯБРЯ КГ (23) ПРЕСТАВИС(Я) ИНОК(А) / КНЯГИНИ ВАРСОНОФИЯ КНЯЖ ДМИТРЕ/ВА ВАСИЛЕВИЧА НЕБОГАТОГО

одного из реценных татарских князей, Ивана (Уразлы) Канбарова († 1562)²². В то же время одна из могил с плитой старицы Анфисы (Годуновой) († 1595 или 1605)²³, идентификация затруднительна) оказалась в центральном поперечном нефе между Кубенскими и Воротынскими, а княгиня Турунтаева-Пронская († 1570)²⁴ — между северной стеной и западным столбом.

Взятый вместе, состав некрополя в XVI в. производит впечатление известной пестроты, случайности, он не отвечает традиционному представлению о некрополе Новодевичьего монастыря как «новом Вознесенском»²⁵. В это время здесь почти нет женщин из царской семьи — впрочем, за двумя исключениями. Это погребения в особо почетном месте, под главным алтарем. Одно принадлежит Ульяне/Александре Палеевской, вдове князя Юрия, брата Грозного, которую царь лично проводил в монастырь (1564 г.). Умерла она через 10 лет (1574 г.). Ее надгробница сооружена по центру апсиды, она из кирпича, и в нее вмонтирована крышка саркофага с надписью²⁶. Хотя история этого погребального сооружения не выяснена (композиция реставраторов 1880-х годов на основе подлинной надгробницы и крышки саркофага?), сомневаться в том, что локализация достаточно надежна, оснований нет²⁷. Это еще один случай, где археология откровенно противоречит привычному нарративу²⁸.

Второе погребение под главным алтарем приписывают Елене Ивановне Шереметевой, вдове царевича Ивана Ивановича, царя-соправителя своего отца, Ивана IV. Согласно передаваемым источниками слухам, Елена в 1581 г. стала поводом для сыноубийства. Во всяком случае, она намного пережила мужа и умерла только в конце века, в 1596 г. Идентификация ее погребения выглядит несколько сомнительной. Сейчас в подклете нет ее памятных надписей. Нет их ни в сводке 1791 г., ни в «Московском некрополе». Предположение, что Елена погребена под алтарем, справа

²² Прекрасно читается: ЛѢТ(А) ЗО (7070/1562) ГО ИЮЛ(Я) КЕ (25) ДЕНЬ ПРЕ/СТАВИСЯ БЛАГОВ/ЕРНЪИ МЛ(А)Д(ЕНЕЦ) / КНЯЗЬ / ѦЕДОР ІВАНО/ВИЧ КАНВАРОВ. Вероятно, это сын князя Ивана Ахметовича Канбарова; его отец, сын Ак-Мухаммеда, внук Канбара, до крещения, носил имя Уразлы, и умер около 1571 г. [Беляков, 2017].

²³ В ДРВ (С. 299) этот год прочли как 7115 (1606). «Московский некрополь» [МН, т. 1, с. 45] повторил чтение, включая неверную фамилию («Панова»). В. Б. Гиришберг исправил и фамилию, и дату: 11 декабря 1595 г. (см.: Гиришберг В. Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв. Часть I. № 94). Сегодня дата видна неясно: хорошо видны две первые цифры (ЗР), последнюю цифру можно читать скорее как I, чем как Д; между ними полностью сбита буква, вместе: ЗР(?)I. В XVIII в. могли пропустить эту букву, промахнувшись на десять лет, и не учесть при переводе месяц, что дало бы поправку на год: 1605. При чтении В. Б. Гиришберг допустил мелкие огрехи. После проверки читаем: ЛѢТА ЗРПД (7114/1605) ГО(ДУ) / ДЕКАБРЯ В АІ (11) ДЕНЬ / НА ПАМЯТЬ (ПРЕПОДОБНОГО) / ДАНИИЛА СТОЛПНИКА / ПРЕСТАВИС(Я) РАБА БОЖІЯ / ИНОКА СКИМНИЦА СТА/РИЦА ОНФИСА ГО/ДУНОВА

²⁴ Ясно читается: ЛЕТА ЗОѦ (7079/1570) / ОКТЯБРЯ В К (20) ДЕНЬ НА ПАМЯТЬ ВЕЛИКО/МУЧЕНИКА АРТЕМИЯ ПРЕСТАВИС(Я) РАБА / БОЖІЯ КНЯГИНЯ ИВАНА ИВАНО/ВИЧА ПРОНСКОГО КНЯГИНЯ МАРИЯ/А ВО ИНОЦЕХ / КНЯГИНЯ МАРФА / ТУРУНТАЕВА

²⁵ Не обсуждая подробно название «Новодевичий», заметим, что оно не связано с идеей монастыря как ветвистого Вознесенского. «Новый девичий» — типовая характеристика недавно основанного монастыря. Ее применяли и к другим обителям (например, к Зачатьевскому), причем независимо от существования в городе других новых девичьих монастырей. Но только за монастырем Смоленского Образа характеристика «Новодевичий» закрепилась как имя собственное. Представление о существовании топонима «старый девичий» / «стародевичий» просто несостоятельно (см.: [Беляев, 2009]).

²⁶ Плита лежит на поверхности кирпичного склепа, стенки которого сложены из большемера (внизу) и маломера (вверху), причем свод положен на цементном растворе, явно реставрационном. Вероятно, плиту сняли с саркофага при реставрации (или еще ранее?).

²⁷ В 1624 г. по указу Михаила Федоровича был «скроен» покров на гробницу юродивого Якова Уродивова, а через 10 лет (1634 г.) по указу его супруги, Евдокии Лукьяновны, покров «на гроб княжны... схимницы Олександры», то есть Ульяны Дмитриевны Палеевской (ЧОИДР. 1883. № 4. С. 896—897). О покровах см.: [Шлионская], хотя ряд высказанных в статье мыслей о развитии некрополя несостоятельны.

²⁸ Н. М. Карамзин считал, что Палеевская была утоплена в Горицком монастыре. Он опирался на текст приписки в синодике опальных царя Ивана из архива Кириллова монастыря: «княгиню иноку Евдокию, иноку Марию, иноку Александру», с пояснением над строкой: «удельная. Потоплена в Горах в Шексне повелением царя Ивана». Но уже С. Б. Веселовский усомнился в надежности приписки, см. об этом: [Веселовский, 1947, Прим. 2]. Другие историки (в том числе Е. В. Пчелов) согласны, что Горицкая история — не более чем легенда. Если принять версию синодика, то в погребении в Новодевичьем монастыре придется видеть кенотаф или полагать, что останки перевезены в Москву позже. То и другое лишние допущения для пребывавшей в том же Новодевичьем Палеевской.

от Палецкой, высказала О. А. Трубникова, сославшись на план 1887 г.²⁹ и на существовавшую в апсиде надгробницу прямоугольной формы, без надписи, из оштукатуренного большемерного кирпича³⁰. На предполагаемом месте нами найден антропоморфный саркофаг, стоявший без склепа, надгробницы или фундамента, погруженным в грунт. Он был накрыт не крышкой, а плитой, к тому же нецелой и перевернутой изголовьем к ногам. Если полагать, что это остатки погребения Елены, то, возможно, плиту выбрали вместо утраченной крышки из имевшихся, ориентируясь на имя покойной (инока Евсевия), которое тоже начиналось с буквы Е (однако монашеское имя Елены не Евсевия, а Леонида). Но дело в том, что на довольно стертой плите дата читается ясно: 20 августа 1540 г.³¹; тип орнамента треугольниками этому отвечает. Так что никакого отношения к Елене Шереметевой этот камень не имеет. Поскольку погребение явно уже вскрывалось, мы предприняли его расчистку. Антропологическое заключение (Ирина Решетова, ИА РАН) рисует хрупкую женщину примерно 30-летнего возраста, с прекрасными зубами и хорошей фигурой. Думать, что это все же Елена Шереметева, допустимо. Но сомнения остаются (однако вряд ли перед нами и правда погребение некоей иноки Евсевии, умершей в 1540 г.). Возможно, стоит учесть, что в той же центральной апсиде погребена мать Елены, Домна Михайловна Шереметева (в девичестве Троекурова, † 1583)³². Остальное — домыслы, основанные на неоспоримом факте пострижения Елены/Леониды в Новодевичьем монастыре.

Собранные данные не позволяют видеть в подклете Смоленского собора кладбище женщин из царского рода XVI в. Напротив, их продолжали хоронить в Кремле, как Ирину Годунову, которую, несмотря на пострижение в Новодевичьем, для погребения вернули к другим царицам, в Кремль³³.

До погребения Палецкой в 1574 г. Смоленский собор царского обетного монастыря был кладбищем опальных семей и случайных, в том числе новокрещеных, служилых людей. Среди них не так уж и много родовитой знати. Недаром, чтобы поднять «подсоборный склеп» до царского уровня, царевна Софья перенесет сюда останки первой дочери Ивана Грозного, Анны. Позже здесь окажутся она сама, царица Евдокия Федоровна Лопухина и две сводные сестры Петра I, Евдокия и Екатерина Милославские. Фактически Смоленский собор снова станет местом погребения опальных, ссыльных, разведенных и в том числе родственных царям по боковым линиям женщин. Невольно вспомнишь гипотезы В. Д. Назарова и В. В. Кавельмаха о связи между исполнением обета Василия III и его разводом с Соломонией Сабуровой да о штате стариц во главе с Еленой Девошкиной из Покровской обители в Суздале (ср.: [Шведова]).

Посмотрим на план пристальнее. С 1533 по 1550 г. известно 6–7 могил, разбросанных вдоль северной и южной стен, включая полосу перед алтарем; ее особенно активно используют для погребений в 1550-х годах (три одно за другим в 1552–1553 г., затем одно в группе Захарьиных (1556 г.) и еще одного через 7 лет, в 1563 г.). Следующая треть века, до конца 1590-х годов, оставит еще 9 надписей. Вместе это чуть больше 20 статусных погребений. При этом нужно принять во внимание проблемы с датировкой самого подклета, так как от их решения зависит, хоронили в соборе в 1530–1540-е годы или нет.

Вопрос о дате строительства довольно старый: разноречия имеющихся источников, ведущие к нагромождению гипотез, осложняют ситуацию (обзор см.: [Кавельмахер; Баталов;

²⁹ ЦГИАМ. Ф. 454. Оп. 3. № 56. Л. 80–82.

³⁰ Ссылка О. А. Трубниковой: «НДМ. — НВ № 2690».

³¹ ЛЕТ(А) З МИ (7048/1540) МЕСЯЦА / АВГУСТА К (20) ДЕНЬ ПРЕСТАВИСЯ / (РАБА БОЖИЯ) / ... / ИНОКА Е(В)СЕВИЯ. Отметим, что это третье надгробие в подклете, раньше него датированы только погребения Ирины Захарьиной (1533 г.) и Ульяны Кубенской (1537 г.).

³² ДРВ. С. 299; Гириберг В. Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Часть I. № 83.

³³ В XIX в. ее погребение иногда относили к подклету, но это просто ошибка — так же как ошибочно видеть здесь более позднее погребение царевны Татьяны Михайловны Романовой.

Подъяпольский], а также: [Беляев, Квливидзе, Махонько, Шведова]). Ныне стоящий собор в стилевом отношении вписан в третью четверть XVI в. и не может быть изъят из нее без нарушения представлений о развитии русской архитектуры. До раскопок допускали, что на одном месте последовательно существовали два собора, но никаких следов предшествующей постройки в подклете не оказалось. Зато в последние годы обнаружилась необычная деталь: ленты фундаментов, соединяющие столбы с боковыми и с восточной (но не с западной) стенами.

При раскопках их удалось подробно изучить, получив надежный *terminus ante quem*: для княгини Турунтаевой-Пронской в 1570 г. могилу врезали в ленту к северу от северо-западного столба. Значит, к этому году собор уже стоял. Кроме того, заметно, что все без исключения погребения до 1560-х годов размещали так, чтобы не попасть на ленты. Значит, при ранних захоронениях в соборе (даже если допустить, что все они перенесены) ленты уже были, это не противояварийная мера, последовавшая за катастрофой — обрушением верхов собора (1550 г.).

Можно добавить к данным о подклете еще ряд наблюдений, связанных с надгробными сооружениями. В укреплении опор после обрушения было использовано надгробие с плетеным орнаментом, что сочли ясным указанием на поздний (XVII в.?) характер ремонта. Надгробие было извлечено из кладки, и по формальным признакам дату плиты оказалось возможным опустить до второй трети XVI в., в том числе к 1550-м и даже 1530—1540-м годам. Если говорить о других датировках по стилевым признакам, то окажется, что даты погребений удивительно точно отвечают этапам развития московских саркофагов. Это особенно наглядно видно, если саркофаги лежат рядом. Так, оглавия у Кубенских, следуя от стены к центру нефа, изменяются от плавной линии сперва к полукружью, а затем к квадрату; оглавия двух саркофагов в северо-западном углу говорят об их вероятной принадлежности ко второй трети XVI в., и т. д. Следует расстаться с идеей о существовании брусковых надгробий как отдельного типа, предложенной В. Б. Гиршбергом, и рассматривать их как своего рода флуктуацию — речь идет всего о четырех экземплярах, которые, видимо, появились из-за тесноты в ячейках нефов.

Мы специально не затрагиваем погребальные комплексы эпохи правления Романовых, поскольку с ними связаны иные проблемы. Но это не значит, что они менее интересны — достаточно упомянуть о надгробии с обронной надписью Феодосии Андреевны (схимницы Февронии), жены князя Ивана Андреевича Голицына († 1652), с припиской мастера-резчика³⁴.

Скажем несколько слов о половозрастном делении некрополя. В подклете, по разным спискам, насчитывается от 15 до 25 % мужчин, что немного: обычно усопшие противоположных полов в мужских и женских монастырях представлены в соотношении 30 и 70 %. Полное антропологическое определение могло уточнить картину, но сравнение подсчетов на основе надписей плит и костных останков, проведенное на кладбище Алексеевского Зачатьевского монастыря, показало, что они дают очень близкую, практически одинаковую картину.

Суммируя результаты, подчеркнем, что в подклете Смоленского собора, впервые в истории отечественной археологии, «томограмма» некрополя получена с полнотой, какая никогда ранее не достигалась ни здесь, ни на других сравнимых по важности и составу памятниках. Полагаем, что ее предварительный обзор будет полезен коллегам, несмотря на его краткость. Впереди строгое сведение данных из всех источников и сложная (судя по первым шагам) работа с историческими документами.

³⁴ Готовится отдельная публикация.

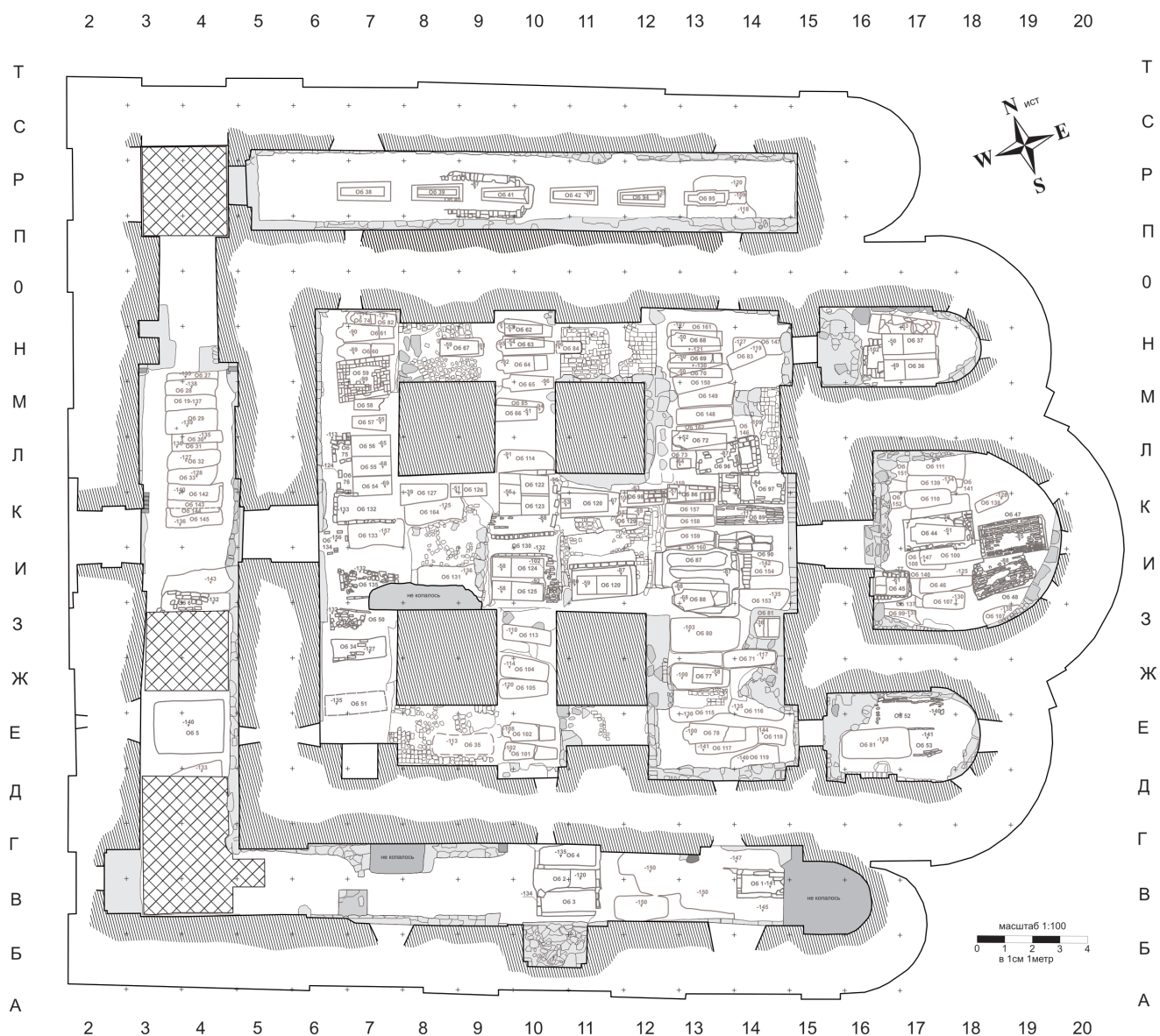

Рис. 1. Некрополь в подклете Смоленского собора: сводный план погребений

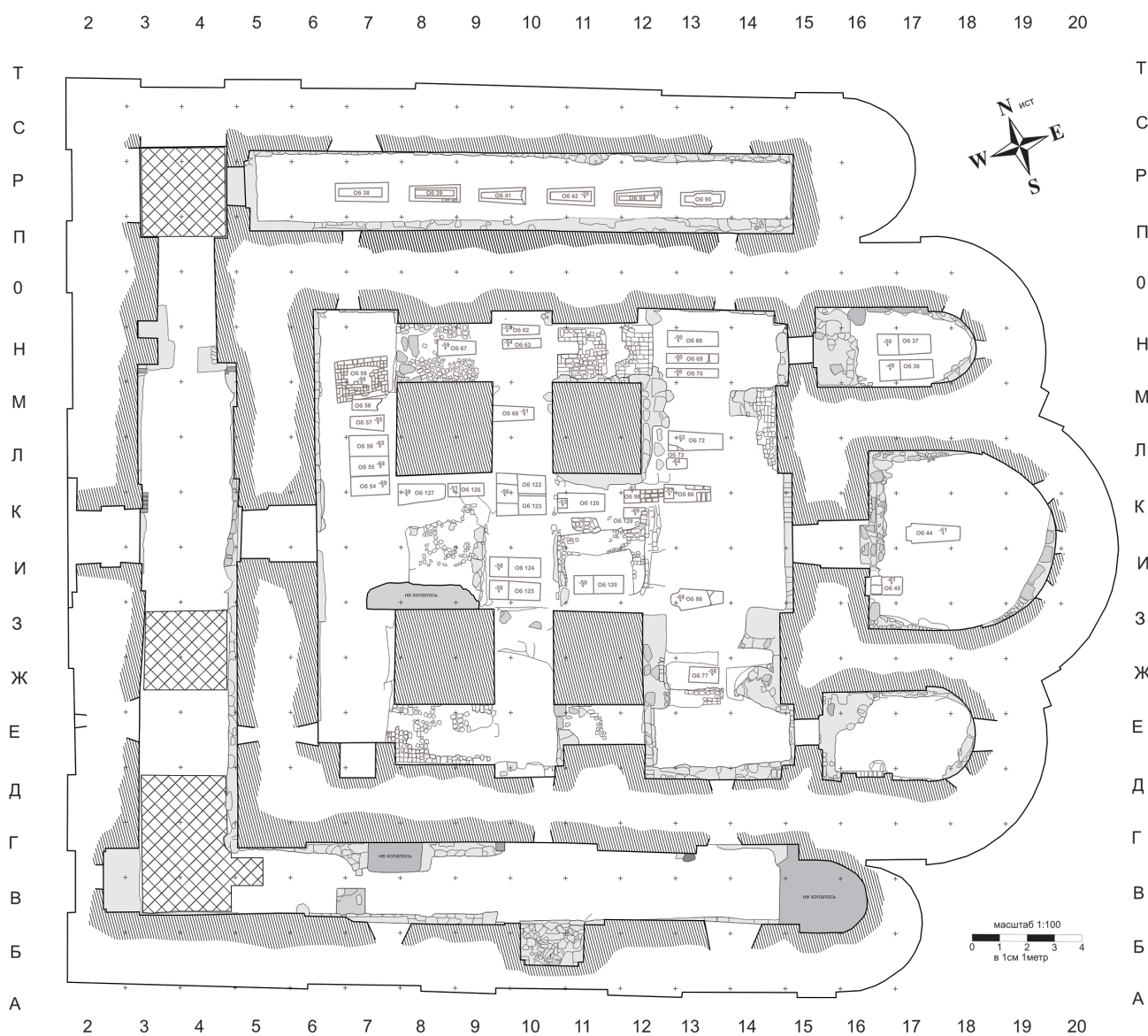

Рис. 2. Некрополь в подклете Смоленского собора: намогильные плиты, план

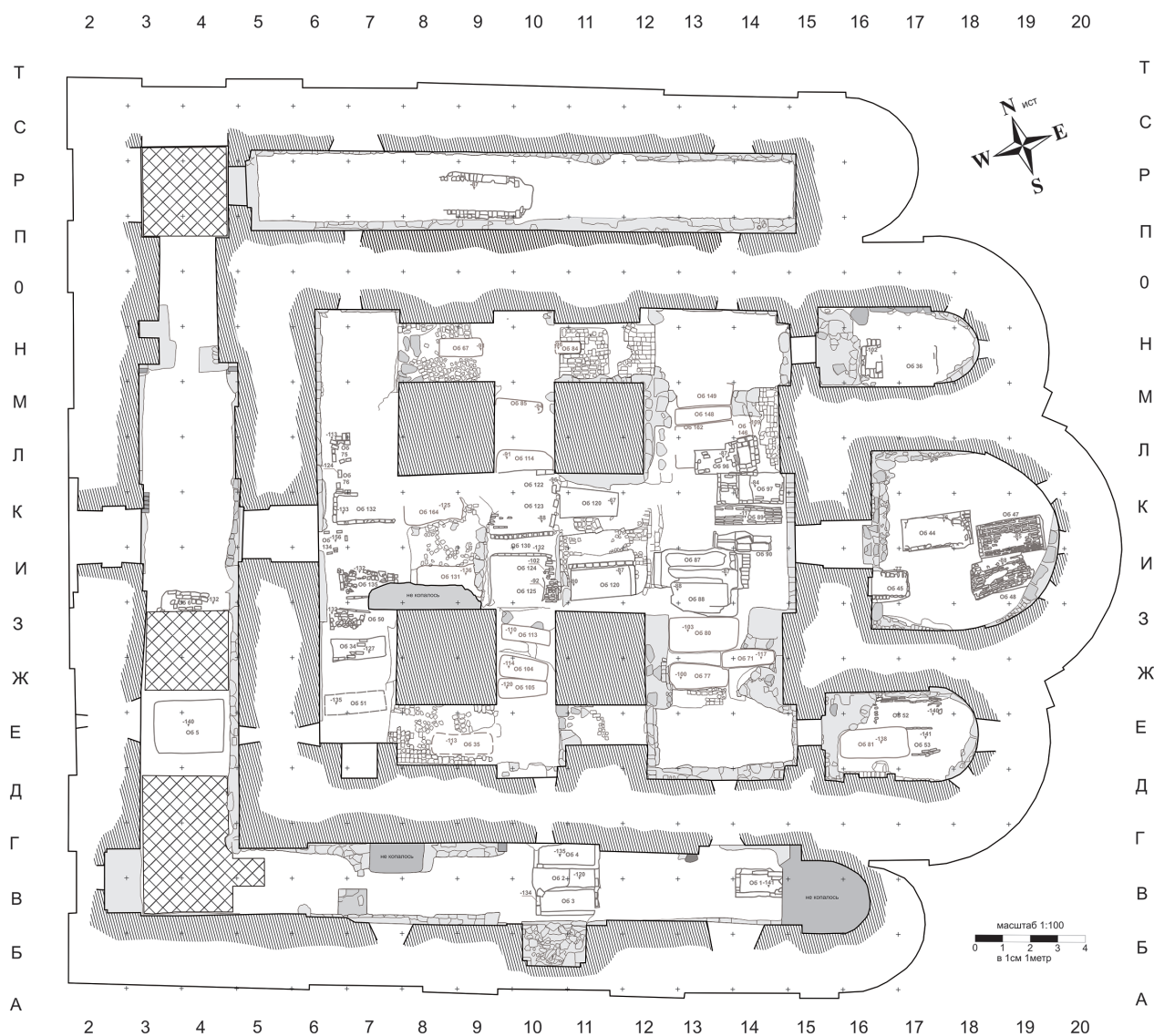

Рис. 4. Некрополь в подклете Смоленского собора: погребения в фундаментных лентах, план

Литература

- Баталов А. Л. К полемике о времени строительства собора Новодевичьего монастыря // Византийский мир: Искусство Константинополя и национальные традиции. М., 2005. С. 599–620.
- Беляев Л. А. «Стародевичий монастырь»: историографическая ошибка в церковной топографии Москвы XVII–XIX вв. // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. М., 2009. С. 155–158.
- Беляев Л. А. К хронологии антропоморфных саркофагов Руси XV–XVII вв. // Краткие сообщения Института археологии. 2018. Вып. 252. С. 219–232.
- Беляев Л. А., Квливидзе Н. В., М.[ахонько] М. А., Шведова М. М. Новодевичий монастырь // Православная энциклопедия. М., 2018. Т. 51. С. 588–606.
- Беляев Л. А., Медникова М. Б. В поисках бояр Романовых: междисциплинарное исследование усыпальницы XVI–XVIII вв. в Знаменской церкви Новоспасского монастыря в Москве. М., 2018. Вып. 1.
- Беляев Л. А., Романов Н. С., Шлионская Л. И. Надгробия игумении Елены Девочкиной и схимницы Феофании в Новодевичьем монастыре // Российская археология. 2010. № 2. С. 156–165.
- Беляков А. В. Канбаровы (Камбаровы) в Московском государстве XVI–XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2017. № 9. С. 15–20.
- Беляков А. В. Надгробия царевичей/князей Сибирских из Новоспасского монастыря по сведениям Г. Ф. Миллера // Жизнь в Российской империи: Новые источники в области археологии и истории XVIII века: материалы международной научной конференции. М., 2018. С. 22–25.
- Веселовский С. Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси // Исторические записки. М., 1947. Т. 22. С. 101–131 URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1560-1580/Alex_Vorotynski/pred1.htm. (дата обращения 14.09.19).
- Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
- Герасимов М. М. Документальный портрет Ивана Грозного // Краткие сообщения Института археологии. 1965. Вып. 100. С. 139–142.
- Кавельмахер В. В. Когда мог быть построен собор Смоленской Одигитрии Новодевичьего монастыря? // Новодевичий монастырь в русской культуре. Материалы научной конференции 1995 г. М., 1998. С. 154–179.
- Кром М. М. «Вдовствующее царство». Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010.
- МН, т. 1 — Николай Михайлович, вел. кн. Московский некрополь / Саитов В. И., Модзалевский Б. Л. СПб., 1907. Т. 1.
- Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материалы исследований в 4 томах. Т. 1–4. М., 2009–2019.
- Подъяпольский С. С. О времени возведения Смоленского собора Новодевичьего монастыря // Подъяпольский С. С. Историко-архитектурные исследования. Статьи и материалы. М., 2006. С. 111–125.
- Рогозина М. Г. Ремонтно-реставрационные работы в Архангельском соборе в фотографиях 1905 года Карла Фишера из коллекции ГНИМА им. А. В. Щусева // Московский Кремль XV столетия. Архангельский собор и колокольня «Иван Великий» Московского Кремля. 500 лет. М., 2013. С. 54–65.
- Трубникова О. А. История некрополя Новодевичьего монастыря (30-е гг. XVI в. — 30-е гг. XX в.) // Московский некрополь (история, археология, искусство, охрана). М., 1991. С. 106–123.
- Усыпальница дома Романовых в Московском Новоспасском монастыре. Кострома, 2005.
- Шведова М. М. Царицы-инокини Новодевичьего монастыря // Новодевичий монастырь в русской культуре: Материалы научной конференции 1995 г. М., 1998. (Труды ГИМ. Вып. 99). С. 73–93.
- Шлионская Л. И. Царские гробницы в Новодевичьем монастыре // Новодевичий монастырь в русской культуре: Материалы научной конференции 1995 г. М., 1998. (Труды ГИМ. Вып. 99). С. 99–113.

References

- Batalov, A. L. K polemike o vremeni stroitel'stva sobora Novodevich'ego monastyrya [To the Controversy about the Time of Building the Cathedral of the Novodevichy Convent]. In *Vizantiiskii mir: Iskusstvo Konstantinopolya i natsional'nye traditsii*. M., 2005. P. 599–620.
- Belyaev, L. A. "Starodevichii monastyr": istoriograficheskaya oshibka v tserkovnoi topografii Moskvy XVII–XIX vv. [The "Starodevichij Monastyr": Historiographical Error in the Church Topography of Moscow of the 17th – 19th Cent.]. In *Khoroshie dni. Pamyati Aleksandra Stepanovicha Khorosheva*. M., 2009. P. 155–158.
- Belyaev, L. A. K khronologii antropomorfnykh sarkofagov Rusi XV–XVII vv. [On the Chronology of Anthropomorphic Sarcophagi of Russia of the 15th – 17th Cent.]. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 2018. Vyp. 252. P. 219–232.
- Belyaev L. A., Kvlividze, N. V., M.[akhon'ko], M. A., Shvedova, M. M. Novodevichii monastyr' [The Novodevichy Convent]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. M., 2018. T. 51. P. 588–606.

- Belyaev, L. A., Mednikova, M. B. V poiskakh boyar Romanovykh: mezhdistsiplinarnoe issledovanie usypal'nitsy XVI–XVIII vv. v Znamenskoj tserkvi Novospasskogo monastyrya v Moskve [In Search of the Romanov Boyars: an Interdisciplinary Study of the Tomb of the 16th–18th Cent. in the Znamenskaya Church of the Novospassky Monastery in Moscow]. M., 2018. Vyp. 1.
- Belyaev, L. A., Romanov, N. S., Shlionskaya, L. I. Nadgrobiya igumenii Eleny Devochkinoi i skhimnitsy Feofanii v Novodevich'em monastyre [Tombstones of the Abbess Elena Devochkina and the Schemanun Theophany in the Novodevichy Convent]. In *Rossiiskaya arkheologiya*. 2010. № 2. P. 156–165.
- Belyakov, A. V. Kanbarovy` (Kambarovy`) v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv. In *Srednevekovy`e tyurko-tatarskie gosudarstva*. Kazan`, 2017. № 9. S. 15–20.
- Belyakov, A. V. Nadgrobiya tsarevichei/knyazei Sibirskikh iz Novospasskogo monastyrya po svedeniyam G. F. Millera [Tombstones of Tsarevitches/Princes of Siberia from Novospassky Monastery according to G. F. Miller]. In *Zhizn' v Rossiiskoi imperii: Novye istochniki v oblasti arkheologii i istorii XVIII veka: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. M., 2018. P. 22–25.
- Gerasimov, M. M. Dokumental'nyi portret Ivana Groznogo [The Documentary Portrait of Ivan the Terrible]. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. 1965. Vyp. 100. P. 139–142.
- Kavel'makher, V. V. Kogda mog byt' postroen sobor Smolenskoj Odigitrii Novodevich'ego monastyrya? [When Could the Cathedral of the Smolensk Odigitria of the Novodevichy Convent Be Built?]. In *Novodevichii monastyr' v russkoi kul'ture. Materialy nauchnoi konferentsii 1995 g.* M., 1998. P. 154–179.
- Krom, M. M. "Vdovstvuyushchee tsarstvo". Politicheskii krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka ["The Dowager Kingdom". The Political Crisis in Russia of the 30–40s of the 16th Century]. M., 2010.
- MN, t. 1 – Nikolai Mikhailovich, vel. kn. Moskovskii nekropol' [The Moscow Necropolis] / Saitov, V. I., Modzalevskii, B. L. SPb., 1907. T. 1.
- Nekropol' russkikh velikikh knyagin' i tsarits v Voznesenskom monastyre Moskovskogo Kremlya. Materialy issledovaniy v 4 tomakh [The Necropolis of Russian Grand Duchesses and Queens in the Voznesenskii Monastery of the Moscow Kremlin. Research Materials in 4 Volumes]. T. 1–4. M., 2009–2019.
- Pod'yapol'skii, S. S. O vremeni vozvedeniya Smolenskogo sobora Novodevich'ego monastyrya [About the Time of Building the Smolensk Cathedral of the Novodevichy Convent]. In *Pod'yapol'skii, S. S. Istoriko-arkhitekturnye issledovaniya. Stat'i i materialy*. M., 2006. P. 111–125.
- Rogozina, M. G. Remontno-restavratsionnye raboty v Arkhangel'skom sobore v fotografiyakh 1905 goda Karla Fishera iz kollektsii GNIMA im. A. V. Shchuseva [Repair and Restoration Work in the Archangel Cathedral in the Photographs of 1905 by Carl Fischer from the Collection of GNIMA named A. V. Shchusev]. In *Moskovskii Kreml' XV stoletiya. Arkhangel'skii sobor i kolokol'nya "Ivan Velikii" Moskovskogo Kremlya. 500 let*. M., 2013. P. 54–65.
- Shlionskaya, L. I. Tsarskie grobnitsy v Novodevich'em monastyre [Royal Tombs in the Novodevichy Convent]. In *Novodevichii monastyr' v russkoi kul'ture: Materialy nauchnoi konferentsii 1995 g.* M., 1998. (Trudy GIM. Vyp. 99). P. 99–113.
- Shvedova, M. M. Tsaritsy-inokini Novodevich'ego monastyrya [Queen-nuns of the Novodevichy Convent]. In *Novodevichii monastyr' v russkoi kul'ture: Materialy nauchnoi konferentsii 1995 g.* M., 1998. (Trudy GIM. Vyp. 99). P. 73–93.
- Trubnikova, O. A. Istoriya nekropolya Novodevich'ego monastyrya (30-e gg. XVI v. – 30-e gg. XX v.) [The History of the Novodevichy Convent Necropolis (the 30s of the 16th Cent. – the 30s of the 20th Cent.)]. In *Moskovskii nekropol' (istoriya, arkheologiya, iskusstvo, okhrana)*. M., 1991. P. 106–123.
- Usypal'nitsa doma Romanovykh v Moskovskom Novospasskom monastyre [The Tomb of the Romanovs' in the Moscow Novospassky Monastery]. Kostroma, 2005.
- Veselovskij, S. B. Poslednie udely` v Severo-Vostochnoj Rusi In *Istoricheskie zapiski*. T. 22. 1947. P. 101–131.
- Veselovskij, S. B. Onomastikon. Drevnerusskie imena, prozvizhcha i familii [The Onomasticon. The Old Russian Names, Nicknames and Surnames]. M., 1974.

Leonid Belyaev

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Svetlana Grigoryan

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Seraphim Shulyaev

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

THE GRAVE VAULT OF THE CATHOLICON OF THE NOVODEVICHY CONVENT, 16th – 17th cc.: THE
RESULTS OF FIELD RESEARCH (2017–2018)

The paper presents the preliminary results of the investigations of the burial vault under the Church of Our Lady of Smolensk, the catholicon of the Novodevichy Convent. The convent itself and its old cemetery belong to the most prominent and high ranking of Moscow State (16th – 17th cc.). The study of the cemetery goes back to the late 18th century when a part of the funerary inscriptions were published. After the restoration of the 1880s the inscriptions of the sarcophagi lids were added. During the 20th century the attempts to collect the general collection of that texts were done three times. Although, the results were not complete. The new research strove to study totally the surface of the necropolis, including all the accessible burial objects – spots of graves, vaults of brick, grave stones and limestone sarcophagi with their inscriptions – but not the remnants of the bodies. As the result the approximate number of the graves was established – c. 130 – and the social profile of the cemetery changed dramatically. At the 16th century the burial vault was the resting place for the divorced and forcibly tonsured wives, for the widows of the executed or disgraced noble men, for newly baptized infidels (Western Christians or Muslims) of Moscow Court. At the end of the 17th century the status of the convent was artificially raised: the Princess Sophia (the sister of Peter the Great) was imprisoned here and, later on, buried in the Catholicon (as well as her relatives from the family of Miloslavskie and the divorced wife of Peter the Great, Evdokia Lopukhina).

Keywords: monastic archaeology, sarcophagi, grave stones, epigraphy, cemetery, 16th – 17th centuries Moscow, Tsar's Court, Great Prince Basil the 3rd, Ivan the Terrible